

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

УДК 159.9.019

**ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ: АНАЛИЗ НАРРАТИВА
ОБ ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ КРИЗИСНОЙ ПСИХОЛОГИИ
В БЕЛАРУСИ**

*Л. А. Пергаменщик, Л. А. Вертынская
Республика Беларусь, г. Минск,
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
leonpergam@gmail.com, vert.lid@tut.by*

Данная статья посвящена анализу нарратива о создании и развитии кризисной психологии в Республике Беларусь. Обозначены ключевые периоды ее оформления в качестве самостоятельной отрасли научного знания.

Прошлое не обладает самостоятельной природой, его воплощению в нарративе предшествует опыт. Как продукт культуры (Ф. Анкерсмит, Х. Уайт, А. Данто) прошлый опыт претерпевает систематические изменения из-за безусловного доверия исследователей к языку [1, с. 112], той языковой ловушки, где рассказанная история отрывается от произошедшего опыта, не давая рассказать всё, как было на самом деле.

Освобождение от «тюрьмы языка» (Ф. Ницше) в репрезентации прошлого, теоретики исторического знания видят в обращении к опыту как археологическому инструменту, позволяющему по-новому формулировать вопросы к произошедшему. Анализ «культурных значений» того, что, казалось, было уже известно и лежит на поверхности, требует *отчуждения* обыденного, привычного способа понимания произошедшего [1, с. 244]. Это аналитическая тактика работы с опытом дает возможности воспринимать прошлое как отчужденное настоящее, переставшее быть близким и понятным. Получается, что, занимаясь прошлым, можно больше узнать о настоящем, определив, *что* именно в прошлом интересует и *как* с ним работать. Если удерживать прошлое на расстоянии, превратив его в ментальный объект исследования, то даже при малейших трудностях в понимании может происходить его приватизация и контроль в угоду собственных исследовательских интересов. Поэтому, согласно Ф. Анкерсмицу, ещё до того, как прошлое будет развёрнуто и объективировано в нарративе, «необходим опыт, в котором оно впервые и свободно даст себя почувствовать». На самом деле нести такой опыт могут любые события, вызывающие отчуждение от знакомого и привычного порядка вещей.

В нашем случае таким событием для анализа прошлого служит появление кризисной психологии как отдельной отрасли в белорусской науке. С позиций сегодняшнего дня, когда угрозы стабильности и порядка в мире достаточно высоки, потребность в развитии идей кризисной психологии кажется весьма актуальной. Однако ее появление происходило четверть века назад – в 90-ые годы XX столетия, когда особых предпосылок для нарушения мирного уклада жизни обостренно не ощущалось. Этот начальный пункт истории кризисной психологии обращает на себя внимание и требует прояснения вопросов: чем было вызвано появление нового направления в психологической науке? Какие обстоятельства социальной и культурной жизни того времени оказались затруднительными для человека? Каким группам населения была нужна психологическая помощь? Почему она потребовалась там, где раньше, казалось бы, они самостоятельно справлялись?

Для поиска ответов на эти вопросы и восстановления хода событий, связанных с зарождением и развитием кризисной психологии в Беларуси, состоялось тематическое нарративное интервью с основателем данного направления – профессором Леонидом Абрамовичем Пергаменщиком. Признавая ограниченность языковой опи-

сательности нарратива, всё же для реконструкции опыта создания кризисной психологии был выбран концепт истории или рассказа о прошлом (Ф. Анкерсмит), аналитически двигаясь по следам которого условно были выделены следующие периоды оформления новой психологической отрасли в науку:

- 1) период становления основ кризисной психологии (1990–1994 гг.);
- 2) период методологического самоопределения кризисной психологии как науки или обращение к теории (1991–1996 гг.);
- 3) период концептуализации практики оказания психологической помощи в кризисных ситуациях (1996–2007 гг.);
- 4) период пересмотра теоретических оснований, поиска и систематизации методов практической работы (2007–2018 гг.);
- 5) период институционализации кризисной психологии (2018 г. – по настоящее время).

Данные периоды взаимосвязаны друг с другом, но их выделение потребовалось для обозначения качественного своеобразия каждого из них. Сообщим об этом по порядку.

Начало истории кризисной психологии прочно связано с произошедшей Чернобыльской катастрофой, которая под пропагандой СМИ воспринималась только как радиационное, и меньше всего как информационное и психосоциальное бедствие [2, с. 226]. Процессы демократизации и гласности, поспособствовавшие значительному росту публикаций о Чернобыле в СМИ, привели к настоящему инфовзрыву. На первых этапах аварии (1986 г.) государственные информационные источники замалчивали масштабы чернобыльских последствий, а «озвучиваемые» ими эффекты и дозы радиации были, с точки зрения общественного мнения, намного уменьшены; в то время как отечественные и зарубежные неформальные СМИ их сенсационно преувеличивали. Этот контраст предоставляемой населению противоречивой информации усугублял ситуацию, провоцируя состояние «вторичной паники» (1988 г.); даже достоверные научные данные становились дополнительным фактором стресса, потому что подавались в форме, не адаптированной для широкой аудитории или/и не учитывающей специфику ее восприятия [2, с. 227].

Акцентирование масштаба негативных чернобыльских последствий являлось распространенным приемом политической риторики того времени. На Чернобыль указывали как на индикатор и следствие системного кризиса Советского Союза. В последние годы СССР и первые годы независимости бывших республик в ответ на требования общественности были приняты законы о беспрецедентно широком наборе льгот и компенсаций чернобыльцам. Правительства новых независимых государств были также заинтересованы в преувеличенном представлении чернобыльского ущерба и эффектов радиации, чтобы получить максимум иностранной помощи для ликвидации последствий. Именно в таких политических и социально-экономических условиях в Беларуси был сформирован государственный заказ на оказание психологической помощи населению (программа «Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от последствий катастро-

фы на Чернобыльской АЭС», 1991 г.). Интересен тот факт, что сформирован он был не без влияния международных организаций (ЮНЕСКО), подтвердивших психологический статус последствий аварии. По воспоминаниям профессора Пергаменщика, отечественные психологи были не готовы теоретически и практически к оказанию помощи. В контексте произошедшей трагедии с кризисным вмешательством они опоздали на годы, первоначально не видя в нем какой-либо потребности. На повестках заседаний Белорусского общества психологов обсуждалось, что *«не надо этим заниматься, а просто необходимо переселить людей и всё»*. Однако подобная позиция разделялась не всеми в профессиональном сообществе. Были и такие специалисты, которых *«незнание того что и как делать, очень подстегивало»*. В течение пяти лет, начиная с 1991 года, благодаря выделяемым финансовым средствам программы, шла подготовка практических психологов на краткосрочных курсах, ежегодно проводились конференции, проходили «Неманские вечера». Это всё параллельно сопровождалось чтением научной литературы, обменом опытом, взаимодействием с российскими, украинскими (А. Асмолов, Ф. Василюк, С. Яковенко, А. Хараш, Е. Черепанова Е., Н. Тарабрина и др.) и зарубежными (Л. Квинтин, М. Баккер, Б. Баккер, У. Фориндер, Л. Полфилдт и др.) учёными и практиками. Происходило интенсивное обучение специалистов, которое чередовалось с самостоятельными *«попытками что-то делать»*. По словам Леонида Абрамовича – это был *«романтический период»*, поскольку во многом приходилось двигаться в выбранном направлении интуитивно, развывая и концептуализируя свои действия непосредственно в процессе работы.

Если анализировать этот период в контексте зарождения истории кризисной психологии, то можно сделать несколько промежуточных выводов: 1) в основе ее возникновения находился запрос на работу с психологической травмой как формой коллективного страдания, полученной в результате аварии на Чернобыльской АЭС от инфовзрыва. Распространение информации о реальном или предполагаемом ущербе здоровью, а также переселения жителей, наиболее пострадавший районов, привело к раскручиванию спирали страха, драматический эффект которой усиливался фактом невидимости, невосприимчивости радиации органами чувств человека, превращая таким образом радиацию в уникальный и чрезвычайно мощный психострессор; 2) оказание психологической помощи в данной чрезвычайной ситуации на территории России, Беларуси и Украины имела запоздалый эффект и во многом определялась неготовностью специалистов практически работать с обнаруживаемыми проблемами, поэтому в рамках Всесоюзной программы по ликвидации последствий трагедии на Чернобыльской АЭС были предприняты шаги по организации дополнительной профессиональной подготовки; 3) инициатива оказания помощи пострадавшему населению была проявлена государственными чиновниками, реагирующими на различные стимулы международных организаций. Данный факт еще раз подтвердил, что культурные и политические практики необходимо рассматривать как взаимопроникающие (М. Стеркен) [6, с.11], поскольку политическая реакция на чернобыльскую проблему про-

явила себя не столько в стремлении смягчить психологические последствия для групп, непосредственно затронутых аварией, сколько приобрести максимальный (политический или/и экономический) капитал; 4) произошедшая после Чернобыля повторная травматизация населения в виду распада СССР подорвала существовавшее ощущение коллективности. Конечно причины для краха советской идентичности вызревали задолго до исчезновения государства [4, с.65], но принятие финализации процесса распада для людей оказалась крайне тяжелым психологическим испытанием. Невозможность оплакать травму утраты безвозвратно потерянному, выразить скорбь, символически ее переработать, усугубляло общее состояние. Советское общество переживало коллективную травму, оказавшись при этом не в состоянии образовать то, что называется «терапевтическим сообществом» [5] – объединением людей, основанным на порыве к совместному переживанию трагических обстоятельств, а если такие и были, то они носили локальный и стихийный характер. Не каждый человек был в состоянии справиться в одиночку с такими переживаниями. Именно в это время проявилась реальная потребность в специально организованной службе психологической помощи, способной адекватно и своевременно реагировать на социальные вызовы.

Второй этап в истории развития кризисной психологии был связан с методологическим самоопределением и обращением к различного рода теоретическим подходам для осмысления поведения человека как в ситуации кризиса, так и после него. В ходе интервью профессор Пергаменщик рассказал о том, что выбор научной платформы для обоснования кризисной психологии происходил под воздействием идей экзистенциальной философии и психологии. Глубина экзистенциального взгляда на человека и его бытие стала близка кризисной психологии тем, что актуализировала вопросы связанные с отношением личности к жизни и смерти в переломные для нее моменты. По мнению Леонида Абрамовича, *«кризисная ситуация остро ставит перед человеком вопрос о смысле его существования, до этого о котором он мог и не задумываться. Это вопросы: За что? Кто виноват? Что дальше? Зачем? Надо ли это завтра?»*. Анализ личности в условиях угрозы небытия – это одна из ключевых задач кризисной психологии.

Однако, чтобы понять поведение личности в подобных условиях, нужна система анализа, оптика которой будет настроена на поиск того, как личность взаимодействует с ситуацией в динамике. Здесь Леонид Абрамович обращается к категории «жизненный путь», которая предполагает уникальность конкретной человеческой жизни, его биографии, несводимой к общим схемам, методологически настаивая на необходимости изучать развивающегося человека в изменяющемся мире: *«В зависимости от выбранной системы, мы на человека смотрим: ↑или мы смотрим, чем он отличается от других, то есть от условной нормы, это в рамках онтогенеза. Но тут есть и другой ход, где нам важно понять, не столько ЧЕМ он отличается от других, что тоже правильно, а чем этот человек сегодня, отличается от вчерашнего, то есть до событийного, понять, что вообще произошло и как событие сыграло, отработало или изменило его жизнь»*.

Из интервью с Леонидом Абрамовичем также стало известно, что в 1996 году ему поступило предложение разработать и начать читать академический курс «Кризисная психология» студентам факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. По отзыву самого автора, этот курс вышел эклектичным из-за попытки совместить описание практического опыта с его теоретическим объяснением в рамках различных социально-психологических подходов.

Если суммировать полученную информацию по данному периоду развития кризисной психологии, то можно сделать несколько выводов: 1) в основе теоретического строительства кризисной психологии находилось стремление преодолеть методологический подход к исследованию человека как к безголосой, бессубъектной вещи (М. Бахтин) [3, с. 106]. Сказался кризис психологической науки в целом, смысл которого – в потере целостного субъекта (В.П. Зинченко, М. Мамардашвили), в расщеплении его внутреннего мира на части в процессе исследования дегуманизированными методами; 2) обращение к экзистенциальной психологии в качестве фундамента кризисной психологии оказалось продуктивным на теоретическом уровне, а на практическом уровне экзистенциальный анализ не смог стать основой для оказания помощи, поскольку кризисная психология предполагает экстренное и краткосрочное вмешательство.

Третий период в истории развития кризисной психологии связан с концептуализацией практики оказания психологической помощи в кризисных ситуациях. В виду прекращения существования СССР отечественная психология подлежала дифференциации по причине распада единого научного поля. Шел поиск новых легитимных смыслов, способных оправдать существование тех или иных практико-ориентированных направлений. Белорусским психологам посредством собственной конструктивной активности удалось теоретически наполнить проект кризисной психологии содержанием и теперь им предстояло попробовать реализовать его на практике. После Чернобыльской катастрофы, первым практическим вызовом стал случай с захватом заложников в одном из дошкольных учреждений г. Минска (1996 г.). Профессор Пергаменщик вспоминает: *«На следующий день мы открыли там психологическую службу и начали работать с детьми, с воспитателями, с родителями. Вот это был первый серьезный и ответственный опыт. ↑С этого началась практическая кризисная психология↑»*. Подобных чрезвычайных происшествий в последующем, к сожалению, было не мало: убийство студента столичного ВУЗа (1997 г.), трагедия на Немиге (1999 г.), трагедия в Краснополье (2004 г.), гибель членов экипажа и авиаинженеров белорусского транспортного самолета под Сомали (2007 г.), теракт в Минском метрополитене (2011 г.), недавняя трагедия в Столбцах (2019 г.). Все эти случившиеся события и множество прочих, показали, что в Беларуси сформировалась профессиональная инфраструктура – неформальное сообщество психологов-практиков, способное к оперативному реагированию и самореабилитации в кризисных ситуациях, общей численностью порядка двадцати человек. Однако, функционирование данной инфраструктуры осуществлялось на волонтерских началах, не имея правовой и экономической поддержки от государства. Трудности, с которыми приходилось сталкиваться, заключались в законодательно неу-

регулируемых механизмах оказания психологической помощи, в неопределенном статусе кризисного психолога, в межведомственной разобщенности и несвоевременности информирования о случившихся событиях. То есть не хватало общегосударственной политики, государственных правил, предусматривающих процесс прохождения психологической службы всеми участниками кризисной ситуации. Подытоживая этот период, можно сказать, что: 1) сигналами для оказания психологической помощи служили некие фрагменты действительности, которые становились для пострадавших людей кризисными. По преимуществу проведение реабилитационных мероприятий основывалось на стратегической (превентивной) парадигме и осуществлялось непосредственно на местах чрезвычайных происшествий; 2) состав группы психологов-волонтеров, подготовленных теоретически и практически, насчитывал порядка 20-30 человек, что явно было недостаточным по ресурсу для работы в масштабах страны; 3) становились волонтерами в первую очередь по личностным и нравственным качествам, это были те люди, которые умели сопереживать произошедшему, но при этом умели не полностью растворяться в нем; 4) на содержательном уровне оказание психологической помощи людям было направлено не столько на снятие негативной психосимптоматики, сколько на смысловую реорганизацию, переосмысление события, вызвавшего интенсивные переживания.

Четвертый период в истории развития кризисной психологии был ознаменован пересмотром теоретических оснований, поиска и систематизации методов практической работы. Этот период вбирает в себя результаты многолетнего поиска и анализа ответа на вопрос: *«как можно научно узнать, что происходит с человеком в кризисе?»*. Действительно необходимо проводить научные исследования и наращивать объяснительную базу, вместе с тем существует проблема исследовательских методов, которые не позволяют *«прийти к человеку с диагностической анкетой, когда он находится в состоянии оцепенения или шока»*. Если кризисный психолог оказывается рядом, то он озадачен поддержкой психологического переживания, а не проведением научного исследования. Как только пострадавший человек справляется со своим развернутым переживанием, он переходит на следующий этап. В подобном случае исследователю ничего не остается, как иметь дело с воспоминаниями и реинтерпретациями заверщенного процесса. Психологическая помощь в период рассказанной истории вполне эффективна, основанная на актуальном нарративе, независимо от времени, прошедшего после события. Однако человек во время непосредственного переживания кризиса, переживает иные процессы, работают иные механизмы и стратегии преодоления. К тому же в отечественной и российской академической психологии выработалось недоверие к отдельному человеку как объекту исследования в противовес статистической выборке. *«Это как некий комплекс неполноценности, им проще спрятаться за толпой, чем выйти один на один с другим человеком»*.

Возможным выходом из сложившейся ситуации Леонид Абрамович видит в обращении к художественной литературе, посредством которой можно исследовать различные кризисные явления. Этот прием был использован Б.М. Тепловым,

В.П. Зинченко, М. Мамардашвили, Э.Фромомм и др. «*В литературе вся психология описана: если в литературе нету, значит и в жизни нету*» – этой позиций на данном этапе придерживается профессор Пергаменщик. Он подчеркивает, что художественный ресурс опосредованно может быть использован для обнаружения и осознания того, что происходит в реальных жизненных ситуациях. Теоретически возможность иметь дело с литературой и пользоваться ее результатами обосновал М.М. Бахтин.

Какие методы оказания психологической помощи наиболее эффективны? Выбор практических методов оказания психологической помощи непосредственно на местах бедствий должен осуществляться только после составления предварительного плана действий и общей оценки ситуации. Желательно, чтобы выбранные методы были основаны на простоте психологического воздействия и имели конкретные цели: в одном случае надо поддержать, помочь; в другом – следует пресечь, например, слухи, панику; в третьем – провести переговоры.

При выборе направления психотерапии для применения их в процедуре кризисного вмешательства, отечественные психологи исходят из собственных пристрастий, возможностей получить навыки с наименьшими потерями, распространенность в стране проживания. Популярны гештальттерапия и когнитивно-поведенческая терапия, другие подходы не имеют такого массового распространения, системы сертификации на основе этапов обучения. Для традиционной психотерапии, основанной на длительном взаимодействии психолога и клиента это оправдано, и они всегда «найдут» своего пациента.

В превентивном (стратегическом) подходе работает другая схема оказания психологической помощи. Психологическая помощь при выборе стратегии отталкивается от опыта преодоления кризисных событий, который выработан каждым человеком индивидуально. Наша задача расшифровать код выживания и использовать его при оказании помощи. Ученые в поисках кода выживания прошли несколько этапов: Ричард Лазарус (Транзактная теория стресса и копинга), Арнольд Лазарус (мультимодальный подход), Мули Лаад (BASIC Ph). В исследованиях В. Франкла (вера в себя), С. Мадди (Hardiness-показатель), А. Антоновского (чувство когерентности) также шли поиски фактора выживания: вера, когерентность, жизнестойкость – но они искали главный, ведущий фактор, что ограничивал направления психологической помощи.

Завершающим анализ истории, но не завершающим развитие кризисной психологии в Беларуси, является период ее институционализации. Это новейший период в развитии кризисной психологии в нашей стране, который связан с возникновением магистратуры как второй ступени высшего образования, ответственной за подготовку будущих специалистов, и открытием Республиканского центра психологической помощи с целью организации и оказания психологической помощи в кризисных ситуациях. Создание этих двух государственных институтов предполагает ассимиляцию практик кризисного вмешательства в структурах системы образования, выработку механизмов совершения совокупного социального действия, ориентированного на урегулирование чрезвычайных ситуаций. Результаты налаживания деятель-

ности этих учреждений будут обозримы в некоторой отдалённой перспективе, однако, на данном этапе наиболее значимым является тщательное продумывание вопросов, связанных с тем, кто и как будет этим заниматься. Здесь свою значимость приобретает личностный фактор. По словам Леонида Абрамовича, *«если мы собираемся вмешиваться в кризисные события, которые происходят, чтобы минимизировать их последствия, то нам надо иметь специалистов, *которые могут это делать*»*. Для работы в качестве кризисного психолога человек должен понять себя с позиций экзистенциального анализа, выяснить для себя, если у него «мужество быть», чтобы справляться в сложных жизненных обстоятельствах. Он обязательно должен разобраться в мотивах выбора профессии, поскольку неосознанная мотивация может нести угрозу профессиональной непригодности. Вероятно, подобное стремление помогать другим может быть связано с проекцией собственной боли, выраженной приемлемым для социума образом. Если человеку плохо внутри, он не может помогать профессионально, а его стремление к этому нужно рассматривать в качестве маркера полученной душевной травмы. Кризисный психолог должен осознавать свои границы, понимать, с чем он может профессионально справиться, а с чем не сможет. Поэтому личность кризисного психолога – это прежде всего *«личность, основанная на этике»*, умеющая поступать нравственно и относиться к другим людям с сопереживанием. Учитывая это, на сегодняшний день важно правильно организовать профессиональную подготовку кризисных психологов в стране, которая обязательно должна включать кроме теоретической подготовки, качественную супервизию на всех этапах обучения. Согласно профессору Пергаменцику, *«психолог обязательно должен иметь супервизора, который видит его, который знает его и который руководствуется при оценке его работы не только тем, какие тот книжки прочитал, как диагностику провел, а еще и лично. Супервизор должен выставлять ему рамки, показывать, что он должен вести себя порядочно, не только когда он помощь оказывает, ↑но и в жизни↑, потому что быстро сорвется. = Нельзя быть дома плохим, а на работе хорошим»*. Только пройдя такую серьезную, многолетнюю, комплексную подготовку, психолог может получить диплом кризисного психолога и приступить к работе. Подводя итог этому периоду, отметим, что: 1) в 90-ые годы кризисная психология уже имела все возможности для воспроизводства собственной структуры, был накоплен определенный ресурс для легализации своей работы в государственном сегменте (было налажено взаимодействие с различными организациями внутри страны и за ее пределами, был изучен мировой опыт и концептуализирована стратегия оказания помощи, был выбран и апробирован инструментарий для практической работы) однако кризисный центр по оказанию психологической помощи так и не был открыт. С одной стороны, не хватило частных инициатив и настойчивости в преодолении бюрократических проволочек, а, с другой стороны, в волонтерском движении было значительно больше свободы для концентрации именно на предмете своей работы; 2) оценка нынешних условий, относительно созданных структур, также сохраняет свою двойственность: с одной стороны, есть опасения, что их создание носит фор-

мальный, рамочный характер, с другой стороны, что появился шанс укрепить позиции кризисной психологии и психологов в Беларуси.

Подводя итог, отметим, что каждый из обозначенных периодов истории создания и развития кризисной психологии имел свою специфику и был представлен исходя из общей логики оформления данной психологической отрасли знания в науку. Решение о том, чтобы атомизировать части истории в рамках ее нарративного анализа было обусловлено стремлением установить, как менялся характер проблем теории и практики кризисной психологии на протяжении времени, к каким последствиям и перспективам эти изменения уже привели.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
2. Мирный, С. Чернобыль как инфотравма / С. Мирный // Травма: пункты / сост. 2. С. Ушанин, Е. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С.209–246.
3. Пергаменщик, Л.А. Онтологические, методологические и психотерапевтические основания становления кризисной психологии / Л. А. Пергаменщик // История психологии Беларуси: хрестоматия / авт.-сост.: Л.А. Кандыбович, Я.Л. Коломинский. – Мн, 2004. – С. 101–113.
4. Тураев, В.А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР / В.А. Тураев // Известия Иркутского университета. – 2016. – № 15. – С.64-76.
5. Barton, A.H. Communities in Disaster: A Sociological Analysis of Collective Stress Situations / A.H. Barton. – NY.: Doubleday, 1969. – 243 p.
6. Sturken, M. Tangled Memories. The Vietnam War, the AIDS Epidemic and the Politics of Remembering / M. Sturken. – Berkeley: University of California Press, 1997. – P.9–12.